

ДОКТОР ЧУМЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТАНЯ – 30 лет, руководитель отдела в риелторской фирме.

ЖЕНЯ – 32 года, менеджер по развитию в автосалоне.

ВЕРОНИКА – 27 лет, полгода назад вернулась из Европы, где училась и получила MBA, безработная, гражданская жена Жени.

ОЛЕГ – 38 лет, IT-специалист, муж Тани.

РАДИН – 35 лет, психолог, сосед Жени.

Действие происходит в течение нескольких часов в съемной квартире-студии.

1.

Утро. Комната – единое безликое пространство с белыми стенами, в котором соединены спальня и кухня. С одной стороны кухонный уголок, с другой – окно, в которое светит яркое солнце. В центре – кровать, где спят двое, укутавшись в одеяло.

Начинает жужжать дрель, слышны короткие постукивания молотком – в соседней квартире идет ремонт.

Один из спящих ворочается, откатывается на край кровати, протягивает руку, берет мобильный, проверяет сообщения.

Над кроватью загорается текст с экрана телефона Тани, это сообщения от Олега – они прокручиваются вниз.

ОЛЕГ:

Нам надо встретиться.

Скинь время и место, я приеду.

Хочу просто поговорить.

Мне надо тебя увидеть.

Почему не отвечаешь?

Ты где?

Напиши как сможешь.

Я жду.

Я все еще жду.

Ты с ним?

Рука отбрасывает телефон, затем отбрасывает край одеяла.

Проснулась Таня. Она смотрит на спящего рядом с ней, потом стягивает со стоящего рядом с кроватью стула футболку, нюхает ее – жадно вдыхает запах, затем надевает футболку, встает с кровати.

Таня подходит к окну, подоконник оккупировали голуби – слышно, как они воркуют и стучат коготками по металлической поверхности. Таня несколько раз бьет по стеклу, голуби улетают, затем она обходит комнату, трогает вещи, постоянно оглядываясь на спящего. Она подходит к холодильнику, открывает, осматривает содержимое, достает пакет молока, наливает в кружку, садится в кресло напротив кровати, пристально наблюдает за спящим и пьет молоко.

Дрель за стеной замолкает.

Спящий резко просыпается, вскакивает – это Женя. Он оглядывается, замечает Таню в кресле.

ЖЕНЯ. Ты что-то сказала?

Таня улыбается, отрицательно мотает головой.

ТАНЯ. Доброе утро.

ЖЕНЯ. Доброе... *(Трет глаза)*. Сколько времени уже?

Таня пожимает плечами.

Женя ищет свой телефон, проверяет время, тут же видит пришедшее сообщение.

Теперь на стене над кроватью загорается текст с экрана телефона Жени.

ВЕРОНИКА:

Мне надо забрать свои вещи.

Женя немного медлит, потом набирает ответ:

Приезжай и забирай.

На окно опять приземляются голуби – слышно, как их коготки карябают подоконник со стороны улицы. Таня резко срывается с места, подбегает к окну, стучит по стеклу.

ТАНЯ: Пошли отсюда! Кыш!

ЖЕНЯ. Да оставь ты их в покое уже.

ТАНЯ. Ненавижу голубей.

ЖЕНЯ *(все еще уткнувшись в телефон)*. Они символ мира и любви, между прочим.

ТАНЯ. Ага, мира. *(Таня возвращается в кресло)*. Крысы с крыльями. Только заразу разносят.

Женя улыбается, откладывает телефон в сторону.

ЖЕНЯ. А что ты пьешь?

ТАНЯ. Молоко. Хочешь?

ЖЕНЯ. Нет.

ТАНЯ. Могу что-нибудь приготовить. Хочешь?

ЖЕНЯ. Нет.

Пауза.

ЖЕНЯ. На тебя свет сейчас очень красиво падает. Ты такая прям... Мадонна с молоком.

Женя опять берет телефон, фотографирует Таню.

ТАНЯ. Перестань. Сколько можно?

Над кроватью появляется изображение с экрана Жени – фото Тани с недовольным лицом и кружкой в руке.

ЖЕНЯ *(смотрит на экран телефона)*. Мадонна с молоком, ненавистница голубей.

Женя пролистывает предыдущие фотографии – на них или Таня, или он сам вместе с Таней. Фотографии мелькают над кроватью.

ЖЕНЯ *(смотрит на экран)*. На тебе мои вещи смотрятся определенно лучше, чем на мне.

ТАНЯ. Мне нравится, как они пахнут. *(Таня опять нюхает футболку)*. Мне нравится твой запах.

Женя откладывает телефон, Таня оставляет кружку, подходит к Жене. Они целуются, Женя стягивает с Тани футболку. Продолжая целоваться, они ложатся на кровать.

Опять начинает жужжать дрель, стук молотка. Громче и громче, словно нарочно.

Таня и Женя перестают целоваться, просто лежат, обвивая друг друга, смеются.

Дрель замолкает, но стук молотка продолжается.

ТАНЯ. Как же хорошо было в выходные. Тишина. Ты давно сюда переехал?

ЖЕНЯ. Почти год уже. Но ремонт соседи недавно начали.

Таня опять начинает целовать Женю, ласкать.

Опять жужжит дрель.

ЖЕНЯ. На фоне этой метафоры, мне кажется, у меня не встанет.

ТАНЯ. Какой еще метафоры?

ЖЕНЯ. Работающей дрели.

ТАНЯ. Ничего. Я тебе помогу.

ЖЕНЯ. Ненавижу заниматься сексом при посторонних звуках.

Таня перестает ласкать Женю, чуть отстраняется, смотрит ему в глаза.

ТАНЯ. С каких это пор?

ЖЕНЯ. Да я никогда не любил.

Дрель замолкает.

ТАНЯ. Мы как-то с тобой под мостом трахались, и над нами электропоезд проезжал.

ЖЕНЯ. Ну так это когда было-то! И потом мы же тут не просто трахаемся с тобой.

ТАНЯ. Да-а? А что же мы тогда делаем уже... Какой день? Пятый?

ЖЕНЯ. Мы... *(Обнимает Таню)*. Сливаемся воедино. Проникаем друг в друга. Познаем. Вон, к нам опять голуби любви прилетели.

ТАНЯ. Суки!

Таня мгновенно срывается с места, подбегает к окну, стучит по стеклу.

ТАНЯ. Фу! Пошли отсюда! Пошли!

Женя смеется.

ТАНЯ. Это не смешно! А вдруг в стекло постучат?

ЖЕНЯ. И что?

ТАНЯ. Что-что! Не знаешь, что значит, когда птица в окно стучит?

ЖЕНЯ. А-а-а! Да ты у меня суеверная!

Женя встает с кровати, накинув на плечи огромное одеяло, идет к окну, обнимает и укутывает Таню.

ЖЕНЯ. Ну иди ко мне, маленькая моя. Боишься, что я вдруг умру из-за голубя?

Таня прижимается к Жене, всхлипывает.

ЖЕНЯ. Ты чего, Танюха?

Таня не отвечает, опять всхлипывает.

ЖЕНЯ. Танюха?

ТАНЯ. А тебе точно на работу не надо?

ЖЕНЯ. Точно.

ТАНЯ. А почему?

ЖЕНЯ. Потому что сейчас есть дела поважнее.

Женя берет Таню на руки, несет, ложится с ней на кровать, целует.

Таня неожиданно начинает плакать.

Женя останавливается, не понимает, что происходит, встает, берет кружку с молоком, возвращается, протягивает Тане. Она пьет, успокаивается.

ТАНЯ. Молоко прокисло, кажется.

Тихо смеются.

ЖЕНЯ. Вот ты тормоз. Ты сколько его уже выпила?

ТАНЯ. Полпакета, наверно.

Женя обнимает Таню.

Раздается звонок в дверь.

ТАНЯ. Кто это? Может Вероника?

ЖЕНЯ. Вряд ли.

Женя натягивает штаны, идет к входной двери, открывает. На пороге стоит сосед Радин.

РАДИН. О! Приветствую! Так Вы дома!

ЖЕНЯ. Да, мы тут. Доброе утро.

РАДИН. Я думал, что нет никого, но на всякий случай решил проверить.

ЖЕНЯ. Вы там у себя горы ворочаете, судя по звукам.

РАДИН. Готовим стены, чтобы ломать. И я хотел как раз посоветоваться по этому поводу. Вы же у себя тоже ломали. Как оформляли перепланировку? Говорят, тут местная какая-то контора есть, где все сами делают задним числом, знают все придирки – так вроде как проще всего.

ЖЕНЯ. Не знаю. Это не моя квартира. Я снимаю.

РАДИН. Ясно. А узнать у хозяев не сможете? Других соседей никогда дома нет.

ЖЕНЯ. Спрошу, если не забуду.

РАДИН. Спасибо!

ЖЕНЯ. Вы еще долго сверлить будете?

РАДИН. Пока временный перерыв. Рабочие ушли за кое-какими материалами. Но дальше – больше. Мы только начали. Уж извините.

ЖЕНЯ. Намек понял. Удачи!

Женя закрывает дверь, возвращается к Тане, ложится на кровать поверх одеяла.

ЖЕНЯ. Надо брать пример с других соседей и валить. Или нам все мозги просверлят.

ТАНЯ. А с этим за стеной ты дружишь?

ЖЕНЯ. Нет, так просто... Виделись пару раз на лестничной клетке. Доктор какой-то, про пациентов как-то что-то говорил. Молодой. Недавно въехал.

ТАНЯ. А что у него за квартира?

ЖЕНЯ. Соседняя – большая должна быть. Трешка.

ТАНЯ. Хороший доктор, значит. Онколог, скорее всего.

ЖЕНЯ. Почему?

ТАНЯ. А какой еще доктор может позволить себе купить трехкомнатную квартиру?

ЖЕНЯ (*немного подумав*). Дантист? Или может он пластический хирург?

ТАНЯ. Я ставлю на онколога. Ты же говоришь, что он молодой. Значит, заработал быстро. На зубах или вставных сиськах на трешку так быстро не заработаешь – только на смерти.

Пауза. Женя долго и пристально смотрит на Таню.

ТАНЯ. Что?

ЖЕНЯ. Ничего. Ты вообще не меняешься.

ТАНЯ. Люди вообще не меняются. Только ты один такой – переменчивый.

ЖЕНЯ. А что у меня-то поменялось?

ТАНЯ. (*Игриво*). Ну не знаю... Раньше хотел отыметь меня во всех общественных местах, а теперь тебе какая-то дрель за стеной мешает.

ЖЕНЯ. Нарываешься?

ТАНЯ. Нет, старичок, я все понимаю – возраст.

ЖЕНЯ. Нет, ты явно нарываешься.

Женя набрасывается на Таню, она громко визжит и хохочет. Женя отстраняется.

ЖЕНЯ. Мне в туалет надо.

Женя встает, идет прочь, скрывается за дверью.

Таня садится на кровати, только сейчас замечает, что кружка с прокисшим молоком опрокинулась, пока они возились.

ТАНЯ. Твою мать!

Таня достает кружку из-под одеяла, ставит на стул рядом с кроватью, встает, стягивает с кровати промокшую простынь.

Возвращается Женя, заглядывает в холодильник.

ЖЕНЯ. Ты в курсе, что у нас жрать нечего, кроме твоего прокисшего молока? Что ты хотела приготовить?

ТАНЯ. Я бы в магазин сбегала. Так ты голодный?

ЖЕНЯ. Нет. Пока нет.

Женя возвращается.

ТАНЯ (*комкая простынь*). У тебя постельное белье чистое где? Я тут простынь заляпала.

ЖЕНЯ. Есть еще один комплект – грязный в стиралке. (*С улыбкой*). Свинятина.

ТАНЯ. Сам свинятина.

Таня сует Жене скомканную простынь, сама расправляет одеяло по кровати, садится на него.

Жене приходит сообщение, он берет телефон.

ВЕРОНИКА:

Скоро буду.

ЖЕНЯ. Может, сходим куда-нибудь? Поедим?

ТАНЯ. Ой, так лень. Давай еще немножко поваляемся?

Таня похлопывает по кровати рядом с собой. Женя бросает простынь на пол, под кровать, ложится рядом с Таней. Некоторое время они лежат, молча, не касаясь друг друга. Потом Таня, как будто что-то вспомнив, начинает смотреть по сторонам.

ТАНЯ. Не видишь, где моя сумка?

Женя тоже осматривается, замечает сумку под стулом сбоку, передает Тане. Она с энтузиазмом в ней копается, достает блокнот, потом роется еще – достает пару ручек.

ЖЕНЯ. Порисовать решила?

ТАНЯ. Хочу, чтобы мы одну вещь сделали.

Таня вырывает из блокнота лист, передает Жене вместе с ручкой.

ЖЕНЯ. Так. И что же это?

ТАНЯ. Подумай, о чем ты хочешь спросить меня прямо сейчас. Но не спрашивай, а напиши. Потом поменяемся, и каждый должен ответить. Сразу и честно.

ЖЕНЯ. Это какой-то тест?

ТАНЯ. Нет, просто мне интересно, что получится.

ЖЕНЯ. А просто спросить не вариант?

ТАНЯ. Нет, тогда все равно кто-то будет первым спрашивать, а кто-то вторым. Но если не хочешь...

ЖЕНЯ. Нет, почему? Давай.

ТАНЯ. Только я отсижу, чтобы ты не подсматривал.

ЖЕНЯ. Я не буду списывать, обещаю.

Таня отсаживается на край кровати, пишет. Женья тоже пытается нацарапать что-то, пристроив листок бумаги на ноге.

ТАНЯ. Готово?

ЖЕНЯ. Ага.

Таня вырывает лист из блокнота, отдает Жене, берет его листок.

ТАНЯ. Теперь читаем и отвечаем. Только честно!

ЖЕНЯ. Я понял. Так... Какой же самый животрепещущий вопрос у тебя ко мне на данный момент... (*Читает с листа*). «Как часто я тебе снюсь?» (*Смеется*). Ну, это просто. Ты мне вообще не снишься.

ТАНЯ. Совсем?

ЖЕНЯ. Совсем.

ТАНЯ. А почему?

ЖЕНЯ. Откуда я знаю? А я что, часто снюсь тебе?

ТАНЯ. Нет.

ЖЕНЯ. А зачем тогда у меня спрашиваешь?

ТАНЯ. Я думала, что снюсь тебе. А оказывается, на подсознательном уровне ты обо мне и не думаешь.

ЖЕНЯ. Но ведь ты обо мне тоже. Что за вопрос вообще, идиотский?

ТАНЯ. Идиотский! А ну-ка, что у тебя тогда... *(Читает с листа)*. «Сравниваешь ли ты меня с Олегом?». О Господи... Ты серьезно?

ЖЕНЯ. Мне просто интересно.

ТАНЯ. Сравниваю ли я что?

ЖЕНЯ. Ну вообще.

ТАНЯ. Жень!

ЖЕНЯ. Все всегда всех со всеми сравнивают.

ТАНЯ. То есть ты меня сравниваешь?

ЖЕНЯ. Конечно! Это происходит автоматически.

ТАНЯ. И как?

ЖЕНЯ. Это мой вопрос был, между прочим.

ТАНЯ. А я не сравниваю.

ЖЕНЯ. Да перестань!

ТАНЯ. Не сравниваю. Это бессмысленно. Или тебе важны именно физические параметры, у кого что длиннее или короче?

ЖЕНЯ. Да мне на это насрать.

ТАНЯ. Тогда почему ты спрашиваешь?

ЖЕНЯ. Потому что ты сама начала эту игру. Или ты хотела именно в психологию поиграть? Хорошо. Давай по второму кругу.

Женя берет блокнот, выдирает еще один лист, пишет.

ЖЕНЯ. Давай-давай.

Таня тоже пишет в блокноте, выдирает лист, они меняются.

ЖЕНЯ. Читай.

ТАНЯ. Чего ты злишься?

ЖЕНЯ. Я не злюсь.

ТАНЯ. *(Читает с листа)*. «Какое твое самое яркое воспоминание детства?»

ЖЕНЯ. Хотела психологию? Пожалуйста!

ТАНЯ. Если будешь злиться...

ЖЕНЯ. Да я не злюсь! Отвечай. Мне, правда, интересно. Давай.

ТАНЯ. Если отвечу честно, ты будешь думать, что я самая мрачная личность на планете Земля.

ЖЕНЯ. Я это и так знаю.

ТАНЯ (*немного помедлив*). Мое самое яркое впечатление детства... Это когда я поняла, что когда-нибудь умру.

ЖЕНЯ. И сколько тебе было?

ТАНЯ. Этого не помню. Помню, что проснулась в ужасе. Прибежала к родителям в комнату, а их нет. Потом слышу – они на кухне. Прибежала – сидят бухают. Они и не поняли толком, что я говорю, только отмахнулись от меня, отправили обратно спать. Я вернулась и осталась одна с этим страхом на всю ночь.

ЖЕНЯ. Ох, Танька...

ТАНЯ. Что? Я же предупреждала.

ЖЕНЯ. Любишь ты про смерть поговорить. Есть у тебя такой... изъясник.

ТАНЯ. (*Обиженно*). О цветах с Вероникой своей разговаривай.

ЖЕНЯ. Ну Тань... Перестань. Ты что, обиделась? Хочешь, я тоже тебе что-нибудь про смерть расскажу? Хочешь?

ТАНЯ. Хочу!

ЖЕНЯ. Хорошо...

Женя задумывается, пытается вспомнить.

ЖЕНЯ. Я вот запомнил очень четко момент, когда я впервые узнал, что умер кто-то, кого я знал лично. Мне было лет... Я в школе учился... Умер один из учителей. И я помню, что как только я об этом узнал, мне ужасно стало... стыдно.

ТАНЯ. (*С удивлением*). Почему?

ЖЕНЯ. Я представил вдруг, точнее не так... Я был абсолютно, на сто процентов уверен, что его душа теперь все-все обо мне знает. Все мои мысли, все поступки, все желания, фантазии – известны теперь конкретному человеку, которого я знаю лично.

ТАНЯ. Так он же умер.

ЖЕНЯ. Не-ет, то есть да. Но для меня в тот момент он типа переместился в некое иное измерение и в секунду все обо мне узнал. Как будто ко мне в голову залез без спроса. Не то чтобы у меня много тайн было... В основном мне было стыдно, что этот учитель в точности теперь знает, сколько раз, где именно и главное на кого я дрычал.

Таня громко смеется.

ЖЕНЯ. Чего ты ржешь? Я серьезно! Я прямо холодным потом покрывался от того, что представлял, как его душа летает вокруг и укоризненно на меня смотрит. Хватит ржать!

Таня успокаивается, но ее плечи еще дергаются, она улыбается.

ТАНЯ. А у тебя разве семья верующая?

ЖЕНЯ. Да нет, ты что. А причем тут?

ТАНЯ. Ну ты очень религиозное ощущение описал. Это как знаешь... персонифицировать Бога. Все религии этим занимаются, а ты сам как-то вот дошел до этого. В обход.

ЖЕНЯ. Не знаю... Понятия не имею, откуда это взялось. Про религию в семье никогда не говорили. Ни про какую. Но эта мысль, что умерший соединился с каким-то единым духом всепроникающим, и теперь от него не скрыться, она казалась мне такой... Я ни на секунду не сомневался, что это так и есть.

ТАНЯ. Может ты просто учителя этого боялся, когда он был живой?

ЖЕНЯ. Нет. Наоборот. Учитель был хороший. Его все любили.

ТАНЯ. А потом ты так же думал?

ЖЕНЯ. Когда потом?

ТАНЯ. Ну у тебя в жизни еще кто-то умирал после этого случая, наверное. Ты каждый раз чувствовал, что тебе стыдно оттого, что умершей душе теперь известны все твои тайны?

ЖЕНЯ. Нет. Только тогда. В первый раз. Потом было все равно. В смысле было плохо оттого, что человек умер, но стыда больше не было. И этого чувства, что вокруг обволакивает нечто единое, к чему присоединяется душа. Нет... Больше нет... Давай может о чем-нибудь другом лучше, а?

ТАНЯ. А если бы я могла все-все про тебя узнать?

ЖЕНЯ. Тогда не было бы никакого смысла.

ТАНЯ. В чем? В отношениях?

ЖЕНЯ. Конечно. Ну представь. Это же было бы... ну тоже как дробка. Когда все знаешь – не интересно.

ТАНЯ. Примитивные вы все же люди, мужики.

ЖЕНЯ. Ой-ой-ой!

ТАНЯ. Да-да.

ЖЕНЯ. А вы, значит, вершина эволюции. За духовное единение и чистоту помыслов.

ТАНЯ. А в чем смысл отношений, по-твоему?

ЖЕНЯ. Смысла вообще мало в чем-либо. Или вообще нет. Смысл в том, что людей пугает одиночество, даже не смерть. Человек сильный и самодостаточный, любящий одиночество... Что с ним делать? Он сам в себе. Какие с ним отношения? А если и мужчина сам в себе, и женщина – что получится? Нихрена не получится.

ТАНЯ. А у нас?

ЖЕНЯ. Посмотрим... Зачем загадывать? Вторая попытка все же...

ТАНЯ. Прочти мой вопрос.

Женя берет листок Тани.

ЖЕНЯ. Так... Вопрос... (*Читает*). «Почему мы расстались?»

ТАНЯ. Только честно.

ЖЕНЯ. Честно?

Таня кивает. Пауза.

ЖЕНЯ. Хорошо. Мне было с тобой сложно. И хорошо, и сложно очень. Ты же сама знаешь и понимаешь все.

ТАНЯ. Ну например. В чем со мной было сложно?

ЖЕНЯ. Пример? Когда мы в Италию поехали. Помнишь?

ТАНЯ. Конечно.

ЖЕНЯ. Я думал, у нас будет спонтанное романтическое путешествие. Море всех на свете удовольствий.

ТАНЯ. Так и было.

ЖЕНЯ. Это может для тебя. Нет, все было в целом супер. Дорога... У тебя прическа еще была другая. Но ведь ты же не радовалась по-настоящему!

ТАНЯ (*возмущенно*). Я радовалась!

ЖЕНЯ. Да ты все время меня грузила. То в печаль какую-то впадала, то вообще в слезы. Выкидывала черти что. Этот сгоревший город меня смотреть потащила. Ну кто, скажи мне, в здравом уме, когда вокруг море, солнце, потащится смотреть крематорий тысячелетней давности? А!? Еще и захотела, чтобы мы там сексом занялись. Посреди сгоревших людей. Прямо завелась как ненормальная, с пол оборота.

ТАНЯ. Мне кажется, если люди хотят друг друга всегда и везде – это признак здоровых отношений.

ЖЕНЯ. Согласен. Но не на развалинах Помпеи, Тань!

ТАНЯ. (*С улыбкой*). А помнишь, как мы убегали? От каких-то не то китайцев, не то японцев.

ЖЕНЯ. Забудешь такое. Моя голая задница, небось, у каждого в фотоальбом вклеена.

Таня и Женя смеются.

ТАНЯ. А как твоя Вероника узнала про нас?

ЖЕНЯ. Элементарно. В телефон залезла. А твой?

ТАНЯ. Я сама сказала.

ЖЕНЯ. *(С удивлением)*. Зачем?

ТАНЯ. А зачем скрывать? Он и сам бы понял.

ЖЕНЯ. Но мы же вроде договорились.

ТАНЯ. О чем?

ЖЕНЯ. Что это все ничего не значит. Пока.

ТАНЯ. Договорились, да.

ЖЕНЯ. Тогда не понимаю. Вы же нормально жили вроде. Зачем торопиться?

ТАНЯ. А если бы Вероника в телефон не залезла, ты бы ей врал?

ЖЕНЯ. Ну пока... Пока мы сами все не поймем, что происходит.

Пауза.

Женя берет телефон, там новые сообщения – одно от Вероники, одно от Олега.

ВЕРОНИКА:

Я приехала. Жду у подъезда.

ОЛЕГ

Таня с тобой?

Женя печатает ответы, параллельно разговаривает с Таней.

ЖЕНЯ. А почему ты не спрашиваешь, как я жил, что делал без тебя?

Ответ Жени Веронике:

Ок. Через десять мин.

Ответ Жени Олегу:

Нет.

ТАНЯ. Так я про тебя все знаю.

ЖЕНЯ. Откуда?

ТАНЯ. Из интернета. Твоя Вероника очень подробно рассказывает о вашей личной жизни всему миру, не только мне. Зайдешь в сеть, а там каждый день новая история. Пользователь Вероника счастлива с пользователем Евгением там-то.

ЖЕНЯ. Социальная сеть – лучшая версия реальной жизни. Там все всегда счастливы.

ТАНЯ. Если ты когда-нибудь разместишь в интернете хотя бы одну мою фотографию...

ЖЕНЯ. Ой-ой, как страшно. Завалишь мою квартиру дохлыми голубями?

ТАНЯ. Фу! Женья!

Женя и Таня заваливаются на кровать, дурачатся.

ЖЕНЯ. Ты не против, если Вероника заскочит?

ТАНЯ. Сюда?

ЖЕНЯ. Ей вещи забрать надо.

ТАНЯ. Хорошо, я не против. А когда?

ЖЕНЯ. Она уже приехала.

Таня резко отстраняется.

ТАНЯ. Это ты с ней сейчас переписывался?

ЖЕНЯ. Ну не злись. Она скинула сообщение и тут же приехала. Я тут причем? Не прогонять же ее.

Таня быстро встает, начинает одеваться.

ЖЕНЯ. Ты куда?

ТАНЯ. Не хватало еще, чтобы она пришла, а я здесь.

ЖЕНЯ. Ну и что?

ТАНЯ. Ты дурак? Где она?

ЖЕНЯ. Написала, что у подъезда ждет.

ТАНЯ. Женья! Я не хочу с ней встречаться!

Таня натягивает ботинки, идет к двери.

ЖЕНЯ. Тань, не бесись. Ничего страшного.

ТАНЯ. Я поднимусь на этаж выше, подожду, когда она войдет, чтобы не пересекаться. Напиши, как закончите.

ЖЕНЯ. Тань!

Таня выбегает из квартиры, за ней захлопывается входная дверь.

Женя падает спиной на кровать. Некоторое время лежит так. Потом берет телефон, набирает сообщение Веронике:

Поднимайся.

Женя встает, одевается, осматривая квартиру.

Раздается звонок в дверь, Женя идет открывать – на пороге стоит Вероника.

ВЕРОНИКА. Вся лестница в каком-то говне.

ЖЕНЯ. Сосед ремонтируется.

ВЕРОНИКА. Ты один?

ЖЕНЯ. Да. Проходи.

Вероника заходит в квартиру с опаской, словно боится кого-то увидеть и спугнуть. Женя закрывает за ней дверь, идет следом.

ВЕРОНИКА. Ты извини, я только после подумала, что ты можешь быть здесь с ней, когда уже приехала. Я не помешала? Я могу позже...

ЖЕНЯ. Ник... Ну, ты уже здесь. Хватит.

Женя показывает на шкаф.

ВЕРОНИКА. Да... Конечно.

Вероника решительно идет к шкафу, открывает, начинает рыться в вещах, выбирает свои, вешает на дверь.

Женя садится на кровать, наблюдает за Вероникой.

ЖЕНЯ. Как жизнь?

ВЕРОНИКА *(не отрываясь от переключивания вещей)*. Идет.

ЖЕНЯ. Что нового на личном фронте?

ВЕРОНИКА. Не твое дело.

ЖЕНЯ. Да ладно! Мне можно и похвастаться. Я же скот неблагодарный. Или как там ты меня теперь называешь?

ВЕРОНИКА. Никак. Я о тебе вообще не вспоминаю. Мне все равно.

ЖЕНЯ. Тогда тем более рассказывай. Я его знаю? Проще всего ведь с тем, кого хорошо знаешь.

ВЕРОНИКА. Не суди всех по себе, пожалуйста.

ЖЕНЯ. Неужели с первым попавшимся?

ВЕРОНИКА. Так! Прекрати!

Вероника встает в позу с ворохом вещей в руках.

ЖЕНЯ. Мне просто интересно.

ВЕРОНИКА (*немного помедлив, словно решаясь*). Я зарегистрировалась на сайте знакомств.

ЖЕНЯ. Да ладно! Нахрена?

ВЕРОНИКА. Это удобно. Все так делают.

Вероника возвращается к перекладыванию вещей.

ЖЕНЯ. Подруги твои долбанутые? Ленка что ли?

Вероника не отвечает.

ЖЕНЯ. Значит Ленка. И как оно?

ВЕРОНИКА. Все очень хорошо. Все очень милые и внимательные. Иностранцы особенно.

ЖЕНЯ. А как же безусловная любовь ко мне? Или ты только милого и внимательного меня любить готова? А другого меня, подонка и скотину, нет?

ВЕРОНИКА. Подонка и скотину пусть другая любит.

ЖЕНЯ. Ну правильно, конечно. Безусловной любовью нас только родители любят. Все нормальные люди любят за что-то. Накосячишь – все, тебя уже не любят. Это нормально. Хотя у моих родителей такая же логика. Твоим родителям я тоже никогда не нравился. Отец меня автослесарем всегда называл. В шутку вроде, но глаза у него не шутили, когда он так говорил.

Вероника делает вид, что не обращает внимания на рассказы Жени.

ВЕРОНИКА. Никто тебя, бедняжку, не любит, никто не понимает. Ага. Где мой чемодан? Был вроде здесь, а теперь нет.

Женя идет в коридор, снимает с полки чемодан, приносит в комнату, ставит возле кровати. Вероника перекладывает вещи на кровать, ходит туда-сюда.

Из шкафа выпадает маска с большими круглыми глазами и птичьим клювом.

Вероника бросает очередной ворох вещей на кровать, оглядывается на маску.

ВЕРОНИКА. Ты так и не выбросил?

Женя подбирает маску, садится с ней в кресло напротив кровати.

ЖЕНЯ. Это подарок.

ВЕРОНИКА. Я говорила тебе, что прочитала в интернете про нее? Она называется «Доктор чумы». В таких ходили трупы собирали во время эпидемий.

ЖЕНЯ. Я знаю.

Вероника начинает аккуратно складывать вещи в чемодан.

ВЕРОНИКА. Держать ее в доме – плохая примета. Хотя, это, конечно, уже не мое дело. Не понимаю, кто мог такое подарить?

Женя не отвечает, вертит маску в руках.

ВЕРОНИКА. *(С натянутой улыбкой)*. Какое-то дежа вю. Опять переезжать.

ЖЕНЯ. Можешь оставить вещи пока.

ВЕРОНИКА. Нет, не хочу вам мешать.

ЖЕНЯ. Как хочешь. Но это твое решение, не мое.

ВЕРОНИКА. В смысле?

ЖЕНЯ. Это ты решила расстаться.

ВЕРОНИКА. Я решила? Ты спишь с другой! Врал мне в лицо! И теперь валишь все на меня? Это я решила! Гениально! Просто гениально!

ЖЕНЯ. Это... То что у меня происходит сейчас... ни к чему не приведет.

Женя кладет маску на пол, рядом с креслом.

ЖЕНЯ. Я поэтому и не хотел тебе ничего говорить. Если бы ты не полезла в мой телефон, мы сейчас были бы вместе.

Вероника начинает смеяться, но горько, почти плачет. Она садится на кровать с очередной кофточкой в руках.

ВЕРОНИКА. Знаешь, когда я уезжала учиться тогда на МВА этот... никому не нужный, я думала, что наши отношения этого не переживут. Мне все говорили, что уезжать от мужика в другую страну почти на два года – бред, честнее расстаться до отъезда. Я не знаю, изменял ты мне за это время или нет, но для меня это было лучшее наше время. Я даже не могу тебе всего передать. Я каждый день проживала в мельчайших деталях. Я была как писатель, наверное, или художник, запоминала кучу всякой ерунды, чтобы тебе по телефону или по скайпу пересказать, чтобы тебе было интересно со мной разговаривать, чтобы ты гордился мной. Я приезжала на выходные или на каникулы к тебе с таким чувством... *(Пауза)*. И вот я вернулась. Насовсем. И все рухнуло.

ЖЕНЯ. Я тебе не изменял. Тогда.

ВЕРОНИКА. Это не важно.

Вероника складывает кофточку, кидает ее в чемодан, замечает на кровати листки из блокнота, берет.

ВЕРОНИКА. *(Читает)*. «Почему мы расстались?» «Сравниваешь ли ты меня с Олегом?» *(Жене)*. Что это?

Женя тут же вскакивает с кресла, подходит, забирает листки у Вероники, собирает остальные.

ЖЕНЯ. Ничего.

Женя выбрасывает листки в мусор.

ВЕРОНИКА. Олег – это ее муж?

Женя возвращается, ходит по комнате.

ЖЕНЯ. Да.

ВЕРОНИКА. Олег – это который твой друг?

ЖЕНЯ. Приятель просто. Знакомый.

ВЕРОНИКА. Жень... Я знаю, ты ее очень любишь. Но скажи... А меня ты когда-нибудь любил?

Женя останавливается.

ЖЕНЯ. Любил, не любил...

Вероника пристально смотрит на Женю, как преданная собака. Женя опять садится в кресло.

ЖЕНЯ. Это она мне подарила эту маску. Танька.

ВЕРОНИКА. Я догадалась.

ЖЕНЯ. Мы ездили в Италию. Носатые маски продавались на каждом углу, и она мне купила – самую жуткую, конечно же. На память. *(Пауза)*. Я не знаю, люблю я ее или нет. Я просто не знаю, как это называется. Меня к ней тянет. Я не могу себя контролировать, когда она рядом. Это неправильно, такое тебе говорить сейчас, но это правда. Я словно подпадаю под какой-то гипноз. А потом прихожу в себя и понимаю, что все не так. Не так, как себе представляешь. Ведь представляешь же что-то идеальное всегда. Если он и она любят друг друга, то должны быть идеальной парой. А ни хрена подобного на самом деле! Может у кого-то и так, у меня – точно нет. Я не могу с ней быть. Она слишком... не знаю... Она не умеет встраиваться в реальную жизнь, в мою жизнь. А женщина должна это уметь! Вот как ты. Я один раз решил познакомить ее с друзьями. С Толиком и Ромкой из автосалона. Толян был с женой. Пришли в бар, сидим, вроде все классно... У всех. Но не у Тани. Она сидит такая и все время... Как будто издевается надо всеми, изображает из себя что-то. Как будто она особенная, а все остальные вокруг – дебилы. И я в том числе. Я не понимаю ее, не знаю, что она может выкинуть, и мы расстались из-за этого в первый раз. Я думал, она изменилась как-то, тараканов в голове стало меньше. Но нет. С тобой все по-другому. Я хочу какой-то определенности, уверенности. Без срывов, без заморочек. Я хочу быть с тобой. Я специально решил сейчас, второй раз уже с ней, дойти до ручки, понять для себя, что с ней невозможно, что она мне не нужна, чтобы закрыть тему! Понимаешь? Закрыть тему и не возвращаться туда, к ней. Но тут ты влезла в мой телефон. А ведь у меня пароль там стоит! Я специально поставил пароль!

ВЕРОНИКА *(дрожащим голосом)*. Ты так и не ответил на вопрос.

Женя резко встает, подходит к Веронике, начинает целовать, валит ее на кровать, начинает раздевать. Некоторое время Вероника поддается, потом сопротивляется.

ВЕРОНИКА. Только не здесь. Я не могу здесь! Женя!

Вероника отталкивает Женю. Он садится, откидывается на спинку. Вероника тоже садится, спиной к Жене, закрывает лицо руками.

Пауза.

Женя замечает что-то сзади на шее Вероники, подсаживается ближе, откидывает ее волосы.

ЖЕНЯ. Ника, ну ты... Что ты сделала?

ВЕРОНИКА (*оглядываясь на Женю*). Татуировку.

ЖЕНЯ. Ну блин... Это же верх дебилизма! Как штамп себе на шею поставить «Я – дура».

ВЕРОНИКА. У меня европейский МВА между прочим!

ЖЕНЯ. Тем более! Образование у женщины как-то ведь должно влиять на такие вещи! Что это вообще?

ВЕРОНИКА. Журавль.

ЖЕНЯ. Нахрена тебе журавль на шее?

ВЕРОНИКА. Захотелось... Я ведь Журавлева.

ЖЕНЯ. Железная логика. Пошла бы волосы покрасила лучше... Не знаю. Ты пьяная что ли была? Знаешь ведь, я ненавижу татуировки. Назло мне сделала? Конечно, назло.

Женя отстраняется от Вероники. Она пугается, начинает оправдываться, словно сделала что-то ужасное.

ВЕРОНИКА. Ну его же и не видно совсем.

ЖЕНЯ. Да, но я-то знаю, что он там. Летит!

ВЕРОНИКА. Ну Женя, ну... Свести же можно. Ну прости. Я, правда, назло, я так злилась на тебя... Я правда дура... Я так хочу, чтобы у нас все было как раньше...

Вероника обнимает Женю, целует. Некоторое время они смотрят друг на друга, молча, не шевелясь. Потом Женя оглядывает все вокруг, встает, быстро одевается, берет ключи, телефон.

ЖЕНЯ. Поехали к тебе.

Женя берет Веронику за руку, они идут к выходу.

ВЕРОНИКА. А вещи?

ЖЕНЯ. Тебе не надо их забирать.

Женя и Вероника выходят из квартиры.

2.

Таня открывает дверь, проходит в квартиру, застывает, увидев последствия пребывания Вероники. Вещи раскиданы, на кровати похоже, что кто-то возился. Таня обходит кровать, подходит к креслу, замечает маску на полу, поднимает ее. Затем она берет телефон, набирает Жене сообщение:

Ты где?

Таня рассматривает вещи Вероники, берет некоторые, даже прикладывает к себе.

Раздается звонок в дверь. Таня тут же идет открывать – на пороге Олег.

ТАНЯ. Как ты нашел меня?

Таня пятится. Олег проходит, не спросив разрешения и не ответив. Таня идет за ним.

Олег садится в кресло, осматривается.

ОЛЕГ. Если ты помнишь, я занимался отладкой системы базы данных в офисе твоего уroda. Я про него все знаю.

ТАНЯ. Это не законно.

ОЛЕГ. И что? Можешь ему рассказать. Все равно засыт заявлять. Я таких знаю. Я ему написал, а он соврал, что не с тобой. Я сразу понял, что соврал. Где он? На толчке сидит?

ТАНЯ. Его здесь нет.

Пауза.

ОЛЕГ. Очень жаль. Хотя... Наверное, это и хорошо.

ТАНЯ. Зачем ты пришел? Ты пьяный?

ОЛЕГ. Трезв как стекло. Не поверишь. Что у вас тут было, жесткий секс?

ТАНЯ. Олег, уходи.

Олег встает, мечется по комнате.

ТАНЯ. Пожалуйста.

ОЛЕГ. Я изменил тебе.

ТАНЯ. Поздравляю.

ОЛЕГ. Несколько раз. Много раз. За эти пять дней у меня было одиннадцать женщин.

ТАНЯ. Решил пойти на рекорд?

ОЛЕГ. Мне просто стало интересно. Насколько секс стал доступен с тех пор, как мы поженились. Оказалось, абсолютно доступен. Нет вообще никаких проблем. Дают все. В любое время дня и ночи. Я не понимаю, как выживают проститутки сейчас. Кто им платит, когда в любом баре найдется баба, которая бесплатно возьмет в рот в туалете. В любом – отвечаю. Ну, предварительно, может коктейль имеет смысл ей купить, чтобы дала наверняка.

ТАНЯ. Извини, но я не хочу знать все эти детали, они меня не касаются.

ОЛЕГ. А я хочу, чтобы ты знала.

ТАНЯ. Хорошо. Теперь я знаю. Дальше что? Зачем ты приехал?

Пауза. Олег опять садится в кресло.

ОЛЕГ. Все же я думаю, что работа оставляет большой, огромный отпечаток в женском мозгу.

ТАНЯ. А в мужском не оставляет?

ОЛЕГ. Нет. Мы должны пахать, иначе спиваемся. А вот вы... Нет, я не говорю, что женщина не должна работать. Должна! Но не везде – это факт. Есть такие специальности, где если женщина начинает там работать, то уже перестает быть женщиной, понимаешь. Она становится мужиком.

ТАНЯ. Намекаешь на то, что я мужик.

ОЛЕГ. Да, есть немного. Ты привыкла управлять, распоряжаться. Вот если бы ты не пошла учиться на права, не захотела бы машину купить, мы бы не пришли в этот его вонючий автосалон и не....

ТАНЯ. Знаешь, мне кажется, ты в эти одиннадцать женщин не член свой вставлял, а мозги. И где-то в какой-то из них мозги и оставил.

ОЛЕГ. *(Словно не слышит Таню, сам с собой).* Или если бы мы пошли в какой-нибудь другой автосалон... Если бы я вас не познакомил...

ТАНЯ. Слишком много «если». Олег, уходи.

ОЛЕГ. Не-ет. Эти одиннадцать женщин... Они многому меня научили, знаешь. Да. Я даже думаю, что каждая из них хотела бы выйти за меня замуж.

ТАНЯ. Ты что несешь, Олег? Я тебя не узнаю, правда. Ты реально в какой-то примитив скатываешься. Ты же умный, нормальный мужик. Где твоя гордость?

Олег резко подсакивает с кресла, идет на Таню, пытается ее схватить. Она пугается, пятится, вскакивает на кровать, вырывается, падает, отползает в угол, колотит в стену – соседям.

ТАНЯ. *(Истошно кричит).* Помогите!

Олег приходит в себя, успокаивается, падает на кровать, лежит.

Пауза.

Раздается звонок в дверь, потом в дверь стучат.

Таня встает, идет открывать. На пороге Радин.

РАДИН. Мне показалось, что у вас кто-то кричал.

ТАНЯ. Вам показалось.

РАДИН. Точно? У Вас все хорошо?

ТАНЯ. Да, все хорошо. Извините.

Таня закрывает дверь, возвращается в комнату, но к Олегу не подходит – встает у стены на расстоянии.

ОЛЕГ. Повезло твоему с соседями. Наши, даже если под их дверью подыхать будешь, не откроют.

Таня обходит кровать, идет к холодильнику, открывает, смотрит, достает пакет молока.

ТАНЯ. Могу предложить прокисшее молоко.

ОЛЕГ. Уже отравить меня хочешь?

ТАНЯ. Больше нет ничего. Мы из дома не выходили.

Олег ухмыляется, потом понимает, что лежит на кровати, где Таня все это время спала с Женей. Олег вскакивает как подорванный, отбрасывает от себя одеяло, вещи Вероники, как будто все заразное, отходит к окну.

ОЛЕГ. Спасибо, я сыт. Я и правда лучше пойду...

Таня возвращается в комнату.

ТАНЯ. Прости меня.

Пауза.

ОЛЕГ. Зачем ты мне все рассказала?

ТАНЯ. Не хотела врать. Ты этого не заслуживаешь.

ОЛЕГ. Но ты ведь и так... притворялась. Все время, что ты была со мной... ты хотела быть с ним. Зачем ты вообще с ним тогда порвала и согласилась выйти за меня замуж? Из-за денег?

ТАНЯ. Совсем с ума сошел?

ОЛЕГ. Ну объясни мне тогда! Я не понимаю.

ТАНЯ. Да я сама не понимаю. Это как будто....

ОЛЕГ. Что?

ТАНЯ. Вот скажи, какой ты меня знаешь?

ОЛЕГ. Я не понимаю. В чем вопрос?

ТАНЯ. Ну можешь описать меня, какая я? Коротко.

ОЛЕГ. Ты... красивая. Вся такая правильная. Умная. Уверенная в себе. Самостоятельная. Внимательная. Всегда все помнишь, знаешь, что я люблю, как и что мне нравится.

ТАНЯ. Правильно. Это я. Та, которую ты знаешь и все наши знакомые. А с ним я другая. Абсолютно. Я себя не узнаю. Вообще. Я превращаюсь в какую-то дуру. Нет, даже не в дуру, а в... истеричку. Нет... Не знаю. Я пью прокисшее молоко, хотя мне не нравится вкус и запах тоже. Я мнительная. Я боюсь голубей! Ты можешь представить, что Таня, которую ты знаешь, боится голубей? Нет же! Ведь нет! Это меня так бесит! Всегда бесило. Но я ничего не могу с собой поделать. Это только с ним. И ты никогда не узнаешь такую Таню, какую знает он. А он никогда не узнает нормальную Таню. Вот ты со мной точно такой же, как с другими?

ОЛЕГ. Да. А как я могу так кардинально измениться? Я не понимаю.

ТАНЯ. Я тоже. И это мне так мешает. Я не могу с этим жить. Женщина не должна так любить. Это ужасно. Она превращается непонятно во что, если так любит.

ОЛЕГ. И это, по-твоему, любовь?

ТАНЯ. Да.

ОЛЕГ. Любовь – это когда люди заботятся друг о друге, у них много общего, они подходят друг другу.

Таня отрицательно мотает головой. Она чуть не плачет.

ТАНЯ. Он мне не подходит вообще. Ни по каким параметрам. Мне с ним некомфортно. Даже плохо бывает. Он плюется на ходу, а я это ненавижу. Он любит отращивать ногти, а меня от этого тошнит.

ОЛЕГ. Когда я футболку в штаны заправляю, тебе тоже не нравится.

ТАНЯ. Это другое... Я не знаю, как еще объяснить.

ОЛЕГ. А знаешь, когда я понял, что люблю тебя?

Таня молчит.

ОЛЕГ. Я как-то сидел в ресторане. Ждал тебя. Большой такой зал был. Красивый. Весь белый. С подсветкой какой-то мерцающей. Столик был в центре, с хорошим обзором. Было много людей. Вечер. И тут вошла ты. Я сразу увидел тебя. На тебе было светлое платье такое. Розоватое. До колен. Ты была такая... как в невесомости плыла. Уставшая, но как-то тебе это очень шло. Вокруг шумно, кто-то что-то отмечает, музыка. А ты

поймала меня глазами и плавно пошла прямо на меня, не обращая никакого внимания, что происходит вокруг. У меня в мозгу словно замедленная съемка включилась. Мне кажется, я помню каждый твой шаг, ты так на меня смотрела тогда... И я именно тогда понял, что по-настоящему люблю тебя и хочу, чтобы ты родила мне ребенка. Именно ты.

ТАНЯ. То есть, если я детей не хочу, ни от тебя, ни от кого-то еще, это не любовь. Так?

ОЛЕГ. Я этого не говорил.

ТАНЯ. Господи, Олег, мы сто раз обсуждали с тобой эту тему. Я не хочу, я не могу впускать в этот ужасный мир еще одного человека, который будет в нем несчастным. Невозможно быть счастливым в нашем мире! Как бы кто ни старался сделать все возможное для своих детей. В конечном итоге все будет ужасно.

ОЛЕГ. Если так было у тебя, это не значит...

ТАНЯ. Значит! Что это вообще? Это, по-твоему, любовь? Это инстинкт размножения, Олег! Родить – ладно. А как их воспитывать? Что с ними делать? Ты что, правда, хочешь детей от меня?

ОЛЕГ. Хотел.

ТАНЯ. То есть уже не хочешь. Уже не любишь, значит. А чего приперся тогда?

ОЛЕГ. В глаза тебе посмотреть.

ТАНЯ. И рассказать, сколько баб поимел? Ну рассказал, посмотрел. Все, свободен.

Олег дает Тане пощечину.

ОЛЕГ. Сука!

Олег уходит, с силой толкает дверь – она остается открытой нараспашку.

Таня садится на пол. Ее трясет. Она не плачет и не стонет – скорее подвывает.

Входит Радин – дверь в квартиру открыта. Он ступает тихо, видит Таню на полу, решает привлечь ее внимание, постучав по первому, что подвернулось под руку – по стулу.

РАДИН. Вам плохо?

Таня поднимает на Радина глаза.

ТАНЯ. Нет. Просто... Тяжелое утро.

РАДИН. У Вас дверь открыта, кто-то выбежал, я решил зайти проверить все же. А где Евгений?

ТАНЯ (*чуть не плача*). Я не знаю.

Таня пытается встать, ее шатает, Радин подскакивает к ней, чтобы поддержать, она почти падает в кресло.

РАДИН. Что у Вас с лицом?

Таня прислоняет ладонь к щеке, по которой ударил Олег.

ТАНЯ. Ничего. Так...

РАДИН. Надо приложить что-нибудь. У Вас есть лед?

ТАНЯ. Нет, по-моему.

РАДИН. Тогда я возьму какую-нибудь тряпку? Вы не против?

ТАНЯ (*показывая на разбросанные вещи Вероники*). Берите что хотите.

Радин берет майку, идет к крану, подставляет майку Вероники под струю воды.

Таня, сидя в кресле, берет телефон – новых сообщений нет. Она снова пишет Жене:

Возвращайся скорее.

Я тебя жду.

Очень.

Радин возвращается, протягивает мокрую майку Тане.

РАДИН. Приложите.

ТАНЯ. Спасибо.

РАДИН. Вам ничего не нужно больше?

ТАНЯ. Нужно... Вы не могли бы... Остаться со мной ненадолго?

РАДИН. Хорошо.

ТАНЯ. Вы не торопитесь?

РАДИН. Нет.

Радин садится на кровать.

Пауза.

ТАНЯ. Как продвигается Ваш ремонт?

РАДИН. Хорошо. Но я только начал, так что... пока не понятно.

Радин осматривается.

РАДИН. А у Вас хорошо сделано. Просторно. Не пойму только, где у Вас несущая стена. Думаю, она была здесь.

ТАНЯ. Нет, несущая другая. Вон та.

Радин оборачивается туда, куда показывает Таня.

РАДИН. Да нет. Не может быть. Вот здесь должна была быть несущая. Если она снесена, завалит все тут у вас в один прекрасный момент, как Помпеи.

ТАНЯ. Я не буду спорить. Но несущая – та.

Пауза.

ТАНЯ. Женя говорит, вы врач.

РАДИН. Я детский психолог.

ТАНЯ. Шутите?

РАДИН. Нет. Но все родители и правда называют меня «доктор». Сам тоже привык. Так и общаемся: доктор – пациенты.

ТАНЯ. Я думала, детскими психологами бывают только женщины.

РАДИН. Женщины на психологов учатся, а потом работают менеджерами среднего звена и супер-профессионально обсуждают личную жизнь друг друга. При этом каждая уверена, что она и в жизни, и в отношениях разбирается, конечно же, лучше, чем остальные.

ТАНЯ. *(Ей больно улыбаться)*. А Вы?

РАДИН. Я с детьми работаю. Говорят, чтобы понять ребенка, надо его просто любить. Но это не так. Надо постоянно ставить себя на его место и никогда не забывать, как это сложно – быть ребенком. Разве женщина это помнит?

ТАНЯ. Мне кажется, мой психологический возраст где-то на уровне выпускных классов так и застрял.

РАДИН. Ну, на уровне выпускных – это Вы уже не девочка.

Таня усмехается – ей опять больно.

РАДИН. Вообще я заметил, что взрослые люди активно и сознательно впадают в детство, становятся все более и более инфантильны. Это что-то вроде признака нашего времени.

ТАНЯ. Если обстоятельства позволяют жить легко, почему бы и не быть инфантильным?

РАДИН. Конечно, я не спорю. Просто дошло до того, что поведение, характерное для взрослого человека, теперь редко встречается. Среди моих знакомых, среди родителей пациентов.

ТАНЯ. А у Вас есть профессиональное мнение, с чем это связано?

РАДИН. Есть.

ТАНЯ. Расскажите?

РАДИН. Сначала вопрос задам... Как Вы себе представляете образ среднестатистической семьи?

ТАНЯ. Не знаю, двое родителей, двое детей. Мать в халате, отец – с бутылкой.

РАДИН. То есть родители – это люди из совка. Стандартный такой образ, который сформировало наше поколение.

ТАНЯ. Да.

РАДИН. С родителями из совка нам в детстве просто не о чем было разговаривать. Правильно? Да и как? Они ведь словно с другой планеты прилетели. Так было у меня, думаю, у Вас тоже. У всей страны. На меня родители только орала. Все мое детство. Я их помню только в состоянии, будто их электрошокером ударили. Это сейчас я понимаю причины. На их глазах все рушилось. Весь привычный мир. И надо было как-то выживать. Поэтому перестроечные дети воспитывались в основном как-то сами – в школах, во дворах Модели поведения имело смысл брать с кого угодно, только не со взрослых из совка. Вот вам и инфантилизм.

ТАНЯ. Мне кажется, Вы слишком обобщаете.

РАДИН. Может быть. Но сейчас я наблюдаю другую картину. Уже наше поколение стало родителями. А люди из совка теперь бабушки и дедушки, вздыхающие о том, что раньше было лучше, при советах был порядок. Современные родители, вроде нас с Вами, на первый взгляд все замечательные. Все знают лучше любого врача. Из интернета, конечно. Водят детей к психологам, а не за ремень хватаются. Естественно, я имею дело с детьми из финансово благополучных семей в основном. Но чтобы не терять связь с реальностью, раз в неделю еще в обычной школе консультирую. И картина по большому счету везде одна: ребенок растет один на один с виртуальной реальностью. Пока он маленький, он ведь очень мешает взрослым – своим неумением, вопросами, капризами. И взрослые ему раз – планшет или телефон в руки. Заткнись и не мешай. На меня хоть орала, хоть как-то общались, я убежал во двор к друзьям – там мы тоже общались. А на наших глазах зарождается какой-то новый психологический тип с мерцающим сознанием, находящимся в контакте с десятками людей одновременно через сеть. И ни с кем в реальности. Какие отношения сможет построить такой человек через 15 лет? Обычный наш инфантилизм – это так, цветочки...

ТАНЯ. Приспособятся как-то.

Таня опять пишет сообщение Жене:

Мне тебя долго ждать?

Радин внимательно наблюдает за Таней.

РАДИН. *(С улыбкой)*. Знаете, я, чтобы быть на одной волне со своими пациентами, ну... иметь с ними общие темы для разговоров, хожу на фильмы-блокбастеры, играю в компьютерные игры.

ТАНЯ. Конечно же, только ради работы.

РАДИН. Нет, мне самому нравится. Мой психологический возраст, думаю, лет 10.

ТАНЯ. Да вы пацан!

РАДИН. Именно. Но я о другом сейчас... Смотрели фильм про динозавров, который недавно вышел?

ТАНЯ. Нет.

Параллельно Таня пишет еще одно сообщение Жене:

Ты с ней?

РАДИН. Так я и думал. Там ученые вырастили гибрид динозавра при помощи генной инженерии, этот новый вид стал умнее и совершеннее, но развивался изолированно ото всех других особей. И когда он вырвался из клетки, естественно, сожрал всех стальных.

ТАНЯ. Почему естественно?

РАДИН. Потому что никак иначе общаться он не умел.

Таня откладывает телефон в сторону.

ТАНЯ. Вы намекаете, что дети, которые сейчас круглые сутки сидят перед мониторами, когда вырастут, сожрут друг друга?

РАДИН. Не буквально. Но да. Думаю, что да. Это будут совершенно новые люди, другие. Не такие, как мы.

ТАНЯ. Да каждое поколение так говорит. Ваши родители, когда на Вас орали, тоже, наверное, считали, что Вы и Ваши друзья во дворе будете другими. Наше поколение впитало в себя перестройку и адаптировалось. Новое поколение впитывает в себя информационные технологии и адаптируется. Но люди всегда остаются людьми. Вы же ведь как-то стали человеком, добились успеха, семьей обзавелись, наверное.

РАДИН. Я не стремлюсь к отношениям с одной женщиной. Сейчас слишком много возможностей для общения – во всех смыслах – чтобы искусственно себя ограничивать. Это просто глупо. А успех... Понятие относительное. Я нашел дело, которым мне нравится заниматься. Оно не сделает меня миллионером, безусловно. А ведь для большинства именно деньги – основной показатель успеха.

ТАНЯ. Я почему-то сразу подумала, что вы онколог.

РАДИН. Почему?

ТАНЯ. Не знаю... Врач покупает квартиру и делает там дорогой ремонт, сразу думаешь, что специализируется он на очень дорогой болезни.

Радин не отвечает. Пауза.

ТАНЯ. Извините, я может быть слишком откровенно. Не хотела Вас...

РАДИН. Не извиняйтесь. Логика ведь у Вас абсолютно правильная. У Вас, наверное, болел кто-то в семье...

ТАНЯ. Отец.

РАДИН. Онколог – опасная специализация очень. Для психики врача. Если люди к тебе постоянно обращаются, как к Господу Богу, приносят подношения, готовы на все ради твоего внимания... В какой-то момент можешь и сам поверить, что ты – Господь Бог. Соблазн велик. Не каждый выдержит. Я видел много таких, кто не выдержал. У меня в семье все врачи... Были. Я тоже сначала закончил мед, но понял, что не мое и пошел на психолога дополнительно. Родители решили, что я предал семейное дело, и несколько лет со мной не общались. Потом они один за другим заболели и умерли. Это как раз их квартира тут за Вашей стеной.

ТАНЯ. Простите...

РАДИН. Нет, ничего... У Вас, наверное, дела.

ТАНЯ. Наоборот! Никаких дел. И это очень хорошо, что Вы зашли. Я бы с ума сошла, наверное, если бы не Вы...

РАДИН. Если хотите, могу еще остаться. Я жду рабочих. Они знают, что я пошел к Вам. Позвонят в дверь, когда вернутся. Это ничего?

ТАНЯ. Ничего.

РАДИН. Давно так ни с кем не разговаривал. Даже странно.

ТАНЯ. А психологи сами ходят к психологам?

РАДИН. Должны ходить.

ТАНЯ. Я бы предложила Вам что-нибудь съесть или выпить, но в холодильнике пусто.

РАДИН. Ничего не надо, спасибо. Я только сейчас понял, что до сих пор не спросил, как Вас зовут.

ТАНЯ. Меня Таня. А Вас?

РАДИН. Денис. Но когда ко мне обращаются по имени, у меня возникает ощущение, что я разговариваю с пациентом. Если на приеме дети ко мне обращаются просто – Денис – они больше мне доверяют. Поэтому в обычной жизни я предпочитаю, чтобы меня называли по фамилии – Радин.

ТАНЯ. Доктор Радин – красиво. Знаете, я всегда завидовала таким, как Вы. Тем, кто или со школы знал, чем им нравится заниматься. Или как-то пришел к этому, понял для себя. Я вот так и не знаю.

РАДИН. А Вы где работаете?

ТАНЯ. Недвижимостью занимаюсь.

РАДИН. Неплохо. Вы риелтор?

ТАНЯ. Да, старший менеджер фирмы. Клиенты, сделки...

РАДИН. Ах так вот оно что... Откуда эти познания в несущих стенах. В Вашей работе тоже много психологии.

ТАНЯ. О да!

РАДИН. А вот скажите, отличаются люди, которые продают жилье от тех, что покупают?

ТАНЯ. Не знаю... Никогда как-то не думала об этом... Те, кто покупают, как-то поспокойнее, счастливее даже. Продают обычно вынужденно, хотя не всегда.

Тане приходит сообщение от Жени. Она берет телефон, читает – сообщение высвечивается над кроватью, прокручивается вниз.

ЖЕНЯ:

У нас ничего не получится, мы оба это понимаем.

Ты дорогой человек для меня.

Предлагаю не портить друг другу жизнь.

Я вернулся к Веронике.

Таня медлит, несколько секунд смотрит на экран телефона, потом пишет ответ.

ТАНЯ:

Ок.

РАДИН. Все в порядке?

ТАНЯ. Да. Просто... новости немного неожиданные.

Пауза.

ТАНЯ. Можно Вам вопрос задать...? Как мужчине и как психологу?

РАДИН. *(С улыбкой)*. Нужно.

ТАНЯ. Один человек сказал мне недавно, что именно тогда понял, что влюблен в женщину, когда решил, что хочет от нее детей. Вам не кажется, что в этом нет именно любви, осознанной человеческой природы, в этом больше что-то животное проявляется. Разве не так? Или мне кажется?

РАДИН. Для кого-то так, для кого-то в этом и есть смысл всего. У Вас, судя по всему, детей нет.

ТАНЯ. Нет. А Вы лично хотели детей от какой-нибудь женщины?

РАДИН. Так у меня есть ребенок.

ТАНЯ. Правда? А кто? Мальчик или девочка?

РАДИН. Не знаю.

ТАНЯ. Как это?

РАДИН. Была одна женщина у меня. Коллега. Я когда в меде учился, в больнице еще работал. И она там же главврачом. Она была старше меня. Намного. Хорошая такая, строгая, одинокая. И влюбилась в меня. Я сразу понял. Женщины как-то одинаково влюбляются. Они как-то сразу про тебя все помнить начинают, хотят накормить, дарят какие-то мелкие, но очень нужные, как им кажется, безделушки – на все праздники, даже на 1 мая.

ТАНЯ. *(С иронией)*. А в Вас часто влюблялись?

РАДИН. Мамаши пациентов. Конечно.

ТАНЯ. И что эта главврач? Покорила Вас своими ухаживаниями?

РАДИН. Нет. Она мне не нравилась совсем. Да и, по-моему, у меня была тогда девушка. Один раз эта главврач пришла ко мне в кабинет и призналась. Без лишних всяких вступительных речей. Честно и прямо. Я обалдел. И как-то сразу зауважал ее, после всего этого идиотского периода подарков особенно. Это было очень так по-настоящему. Она сказала, что все понимает, что у меня к ней ничего нет. И попросила только об одном...

ТАНЯ. Сделать ей ребенка.

РАДИН. Да.

ТАНЯ. И Вы, конечно, согласились.

РАДИН. Не сразу, но да, согласился.

ТАНЯ. Спали с ней, хотя у Вас была девушка.

РАДИН. А я всегда был за свободные отношения. Никто ничего никому не должен. За этим будущее. Когда главврач узнала, что беременна... А получилось это не сразу, пришлось потрудиться. Она уволилась и уехала. В неизвестном направлении.

ТАНЯ. А сейчас не хотели бы найти ее?

РАДИН. Нет.

ТАНЯ. Хорош детский психолог.

Радин улыбается, замечает маску с длинным клювом, берет ее в руки, рассматривает.

РАДИН. О! Доктор чумы! Очень мне такие нравятся. Ваша?

ТАНЯ. Нет, но я покупала. Сувенир из романтической поездки.

РАДИН. *(С удивлением)*. Доктор чумы – романтический сувенир?

ТАНЯ. Ну, какие отношения, такой и сувенир. Я тогда не знала, что маска так называется.

Раздается звонок в дверь.

РАДИН. А вот и мои рабочие, надо идти.

Радин откладывает маску, идет к двери.

ТАНЯ. Удачного ремонта.

Радин останавливается возле входной двери.

РАДИН. Я еще увижу Вас? Вы будете жить здесь?

ТАНЯ. Это теперь вряд ли.

РАДИН. Может, дадите телефон?

ТАНЯ. *(С улыбкой)*. Всего хорошего, доктор Радин, доктор чумы.

РАДИН. Тогда найду вас в сети. Там всех можно найти.

Радин уходит.

Таня кружит по комнате, подходит к маске, сначала пинает ее, потом надевает на лицо, идет к окну, стучит клювом по стеклу.

За стеной опять начинает жужжать дрель.

Занавес.

Москва, август 2015 г.